

УДК 061.3:004.8

А. Ю. Мамычев¹

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва. Россия

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Г. В. Петрук²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Как помыслить вместе цифровую трансформацию общества и долговременную вирусную пандемию: разбирая заметки прошедшего форума*

В данной статье проводится осмысление взаимодействия цифровых и пандемических тенденций в современной общественной организации. Авторы подчеркивают, что «Феномен 2020» значительно повлиял на дальнейшее развитие науки, общества и экономики, а также показал, что все активности природного (экология), биологического (вирусы), технологического (цифровые системы), социального (ментальные структуры, институты) характеров участвуют в эволюции социально-экономической, политико-правовой и иных сфер жизнедеятельности общества, что они «на равных» определяют наши стратегии и практики, играют ведущую роль в формировании социальных отношений и общественных порядков, несмотря на их разнообразие и противоречивую природу. Делаются выводы о том, что, несмотря на грандиозность новой цифровой реальности общества, в условиях пандемии все упирается в материальные субстраты, социальные и духовные основания.

Ключевые слова и словосочетания: цифровая трансформация, «Феномен 2020», вирусная пандемия, общество, политико-правовая реальность.

¹ Мамычев Алексей Юрьевич – д-р полит. наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, профессор кафедры теории и истории российского и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, председатель II Дальневосточного международного форума; e-mail: mamychhev@yandex.ru

² Петрук Галина Владимировна – канд. пед. наук, доцент, директор департамента научно-исследовательской работы; e-mail: pigenko_galina_8@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 20-011-22065 Научные мероприятия (II Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных пандемий»).

A.Yu. Mamychyev
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

G.V. Petruk
Eastern Federal University
Vladivostok, Russia

How to reflect digital transformations of the society and the lasting pandemic: giving a look the latest Forum

This article provides an understanding of the interaction of digital and pandemic trends in modern public organizations. The authors emphasize that the "Phenomenon 2020" significantly influenced the further development of science, society and the economy, and also showed that all the activities of natural (ecology), biological (viruses), technological (digital systems), social (mental structures, institutions) characters participate in the evolution of socio-economic, political, legal and other spheres of society, that they "equally" determine our strategies and practices, play a leading role in the formation of social relations and social orders, despite their diversity and contradictory nature. Conclusions are drawn that, despite the grandiosity of the new digital reality of society, in the context of a pandemic, everything rests on material substrates, social and spiritual foundations.

Keywords: digital transformation, "Phenomenon 2020", viral pandemic, society, political and legal reality.

Второй Дальневосточный международный форум «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий» завершился!

Стал ли он Событием³ или был лишь очередным текущим моментом в году, когда произошли крупномасштабные и противоречивые процессы, которые изменили наш привычный уклад, заново переопределили наши ценности и потребности, ввели «в игру» новые угрозы и страхи? Безусловно, масштаб данных изменений станет более очевиден только с течением времени, как говорят, в исторической ретроспективе... Все масштабное схватывается на расстоянии, сложно дать целостное объяснение, находясь в контексте и в процессе происходящих изменений.

Заметен ли форум на данном фоне? Или же сам форум стал очередным пазлом общего фона, призванным артикулировать обсуждаемые изменения, акцен-

³ *Событие с большой буквы написано не случайно.* Если «событие» с маленькой буквы ориентирует на текущие, обычные моменты нашей жизни, которые ничего кардинально не меняют, они не заметны и вроде несущественны, лишь в своей совокупности и с течением времени ведут к видимым качественным изменениям (по крайней мере, так нас учит материалистическая диалектика), то «Событие» с большой буквы появляется как бы «из ниоткуда, без видимых причин, без твердого бытия у своего основания» (С. Жижек), но разом меняет привычный ход вещей, определяя и новую систему мировоззренческих координат, и новый горизонт смыслов [1, с. 13]. Причем Событие отличается еще и тем, что «превосходит свои причины» или не тождественно им, не является их прямым следствием. С Событием трудно, к нему не подобраться с позиции строгой казуальной причинности...

тирывать внимание на происходящих трансформациях? Оставим пока эти вопросы без ответа. Очевидно, что 2020 год станет той точкой на исторической оси координат, с которой мы будем связывать начало качественных изменений и кардинальных трансформаций в экономике, политике, праве, культуре и т.д.

Конечно, процессы, инициирующие данные изменения, начались задолго до «феномена 2020», но именно последний станет «историческим маркером», который выделил их, высветил все теньевые и слабо заметные тенденции. Эти тенденции связаны с потерей антропоцентричного характера всех разворачивающихся событий, а также с осознанием многофакторности и сложности существующей реальности, в которой действуют и система видимых, и серия скрытых, неоощушаемых, неразличаемых факторов. Так называемая четвертая промышленная революция зародилась задолго до сегодняшнего момента, постепенно подготавливалась в течение всего XX века, вводя в игру все новые и новые факторы, причины и условия развертывания социальных, биологических, технологических, экологических и иных процессов и событий.

Что же общего между научно-техническими открытиями с начала XX века? Тимоти Мортон, отвечая на этот вопрос, дал весьма емкий и точный ответ: «Вода, кванты, пространство времени начали быть видимыми. Они стали автономными сущностями, которые обладают разнообразными странными и неожиданными свойствами» [2, с. 22].

«Феномен 2020» отчетливо показал, что все эти активности природного (экология), биологического (вирусы), технологического (цифровые системы), социального (ментальные структуры, институты) характера участвуют в эволюции социально-экономической, политико-правовой и иных сфер жизнедеятельности общества, они «на равных» определяют наши стратегии и практики, играют ведущую роль в формировании социальных отношений и общественных порядков.

«Феномен 2020»: человек, цифра, вирус

«Феномен 2020» собрал в символическое единство целую серию экологических, биологических, цифровых, социокультурных и других тенденций, представив их разнообразие и противоречивую природу в некоей антиномичной целостности, которую раньше трудно было представить и помыслить.

«Феномен 2020» продемонстрировал, что все эти тенденции связаны, развиваются совместно, определяют траекторию и характер развития каждой. Важно подчеркнуть, что эти тенденции не внешние, они часть той реальности, в которой мы живем, это неотъемлемые элементы и неуничтожаемые факторы, определяющие и наш социально сконструированный мир, и наше биологическое существование (об этом весьма ярко напомнил Covid-19). Описывая последние, а точнее саму возможность помыслить все эти среды и регионы человеческого существования, Тимоти Мортон отмечает: «...мы находимся внутри них, как Иона внутри кита», поэтому любое принимаемое решение и любая социальная активность напрямую связаны и активируют процессы в иных средах/системах, запускают изменения в гиперобъектах. Последние трактуются в широком контексте: «...это не просто ментальные (или даже идеальные) конструкции, но

реальные сущности, первичная реальность которых является изъятой для людей» [3, с. 33].

Действительно, в настоящее время социальная активность (как на уровне индивида, так и на уровне коллективов) «соседствует» или разворачивается совместно с активностью не-человеческих элементов, или, как их обозначают в современной литературе, с траекторией актантов. Согласно Бруно Латуру, *актант* – это некоторое действующее начало или источник самого действия, который, с одной стороны, может иметь как человеческое измерение (сознательно-волевой акт, коллективные действия, ментальные структуры, общественные институты и т.п.), так и не-человеческую характеристику (биологическую – вирус, технологическую – автономная цифровая технология, экологическую – природное явление) [4; 5]; с другой – быть комбинацией или ассамбляжем⁴ последних, т.е. союзом социального и материального, человеческого и не-человеческого.

Примером последнего могут быть направленность человека, выраженная через цифровые формы, генерирующие специфические события в социокультурной и цифровой реальности; или города, представляющие собой «ассамбляжи людей, сетей, организаций, равно как и ряда инфраструктурных компонентов» [6, с. 13].

При этом «актант никогда не действует в одиночку. Его действенность, или агентность, всегда зависит от способности вступать в связи и кооперироваться, от взаимодействия множественных тел и сил» [7, с. 45]. В этой теоретико-методологической модели актант не является «ни субъектом, ни объектом, но модусом (понятие, взятое из политической философии Б. Спинозы – *авт.*)... каждый модус представляет собой мозаику, или ассамбляж, из множества тел... быть модусом означает образовывать альянсы и входить в ассамбляжи, модифицировать и быть модифицированным другими. Процесс модификации неподконтролен какому бы то ни было модусу: ни один модус не является агентом в иерархическом смысле» [7, с. 47].

К таковым процессам изменений можно отнести модификацию цифровых алгоритмов в процессе машинного обучения, которое, как известно, реализуется на конкретных социальных данных и культурных артефактах. В процессе такого обучения развитие цифрового алгоритма получает специфическую социокультурную составляющую, а также достаточно уникальную направленность или траекторию дальнейшего развития цифровых алгоритмических систем.

⁴ Если понятие «система» в основном используется для описания взаимосвязанных социальных объектов (людей, созданных институтов), то «ассамбляж» используется для представления иных, специфических взаимосвязей и взаимовлияний как человеческих, так и не-человеческих (материальных, биологических, цифровых и других) элементов. Ассамбляж – «соединение или собрание чего-либо вместе либо же результат такого соединения или собрания» [5, с. 9]. Важно отметить, что ассамбляж акцентирует внимание на тесную взаимосвязь различных элементов (социальных, цифровых, биологических, физических), однако «отношения между ними (в отличие от системы – *авт.*) не являются логически необходимыми, но лишь контингентно (имеют преимущественно случайный характер сборки/собрания – *авт.*) обязательными в качестве исторического результата их коэволюции (совместного движения и развития – *авт.*)» [Там же, с. 21].

Данный эффект уже зафиксирован в развитии различных цифровых технологий и повсеместно распространен [8; 9]. Так, внедрение автономной цифровой системы или определенного алгоритмического решения в разных сообществах ведёт к совершенно разным траекториям их развития, к формированию так называемых «предубеждений цифровых систем» или «цифровых форм дискриминации»⁵ [10; 11; 12].

Другим примером модификации могут служить изменения мыследеятельности человека, его сознательно-волевых, психологических и эмоциональных характеристик под воздействием внедрения цифровых технологий в повседневную жизнь или влияние вирусной пандемии, которая задала специфические тренды развития цифровых систем контроля, учета, выявления и дифференциации социальных процессов, модификации политических и правовых систем и практик, связанных с формированием особых систем биозащиты, практик социального и медицинского десантирования, режимов самоизоляции, трансформации ценностно-нормативных ориентаций и пр. [12–14].

В нашем мышлении и исследовательских практиках трансформируется словарь в описании разворачивающихся событий и процессов, происходит проникновение концептов и понятий из различных описательных систем и исследовательских протоколов в другие. Идет усиленный поиск нового словаря, который, с одной стороны, способен адекватно описать современные кардинальные изменения в обществе, политике, праве под воздействием цифровой трансформации, разворачивающейся долгосрочной вирусной пандемии, а также ускорившихся климатических изменений; с другой – представить возможность рассмотреть различные системы (социальные, экологические, биологические, физические и цифровые) как взаимосвязанные и равнозначные, не отдавая приоритет ни одному из них⁶.

В целом это вполне традиционное взаимопроникновение концептов и исследовательских практик из одной области в другую. Например, дискурс политического тела или аналогия с социальными болезнями и вирусами, разрушающими общественный организм, вполне устоявшаяся тенденция, берущая своё начало еще в античной политической философии. Сегодня эта тенденция вновь актуальна и привлекательна в различных исследовательских проектах.

Юджин Такер, автор книги, посвященной философско-политическому анализу взаимосвязи вирусных заражений, цифровой эволюции и трансформации политических и юридических практик, отмечает, что «у нас есть две отдельные

⁵ Как известно, развитие систем искусственного интеллекта происходит на основе «человеческого материала», и в исходные коды цифровых алгоритмов могут с легкостью быть заложены социальные предрассудки, несовершенства, дискриминации, иллюзии. При этом в ходе машинного обучения формируется эффект «предубеждения систем искусственного интеллекта», который появляется вследствие того, что машинное обучение реализуется на существующих материалах в виде книг, текстов, картинок, конкретных кейсах/случаях социального взаимодействия, имеющемуся опыте суждений и решений, принимаемых людьми.

⁶ Все это ориентировано на то, чтобы показать, как пишет Нэнси Левен, что «человеческие существа не просто не образуют собственный отдельный регион, но даже не способны распоряжаться тем регионом, природой, частью которого они являются» [7, с. 26].

области, каждая из которых различным образом интегрирует информатику и материальность посредством сетевой парадигмы; последнее имеет здесь решающее значение. Если теория информационной безопасности говорит нам, что определённые виды поведения компьютеров могут быть поняты через призму эпидемиологии, то (и это не менее важно) современная эпидемиология говорит нам, что инфекционные заболевания могут быть поняты через призму математики, статистики и информатики. В одном случае основная идея в том, что можем понять определённые типы поведения компьютера через призму биологии, в другом – что мы можем понять инфекционные заболевания через парадигму информатики<...> рассмотрение заражения в рамках эпидемиологии полагает биологическую материальность, которая затем может быть абстрагирована в метафору (компьютерный «вирус»), оно также имплицитно связывает инфекцию с материальными и биологическими процессами распространения инфекции, логистического роста и эпидемиологических порогов» [7, с. 74].

Таковы общий исследовательский фон и доминирующая практика рассмотрения цифровых, пандемических и других процессов, существенно влияющих на кардинальные изменения в современной мыслительности человека, иницирующие трансформацию мировоззренческих и ценностно-нормативных оснований современного общества⁷.

Эта трансформация уже ощутима, поскольку значение цифровых систем, технических потребностей цифровой инфраструктуры, биологические и экологические доминанты становятся по своему статусу равнозначными, а нередко и ведущими по отношению к интересам и потребностям человека. Адам Гринфилд по этому поводу отмечает, что достаточно незаметно сегодня на первый план вышли иные ориентиры, обусловленные «не столько нашими потребностями, сколько потребностями систем (технических, информационных, цифровых – *авт.*), которые номинально служат нам, но для которых человеческое восприятие, соразмерные человеку масштабы и его желания *не являются главными мерами ценности* (курсив наш – *авт.*)» [10, с. 249].

Кроме того, в современных исследованиях акцентируется взаимовлияние различных систем, то, как различные «регионы» резонируют между собой и усиливают друг друга, определяя траектории развития каждого из элементов (например, направления разработки цифровых алгоритмов и специфика их внедрения под воздействием траектории развития вирусной угрозы в целях обеспечения контроля и биозащищенности населения при сохранении управляемости общественными процессами и воспроизводства действующего экономического, политического, правового и иных порядков). В этом аспекте алгоритмические решения, моделирующие развитие вируса, математические расчеты и диаграммы его распространения, принимаемые управленческие решения и особые социально-правовые режимы контроля и координации действуют сообща, влияя друг на друга.

⁷ В настоящее время «мы вступили в новую фазу истории, когда не-люди более не исключены и не являются всего лишь декоративными элементами человеческого социального, психического и философского пространства» [3, с. 35].

Проблематика форума и целевые ориентации дискуссий

Именно вышеописанные тенденции и разворачивающиеся трансформации составили проблематику, обсуждаемую на форуме, главными целями которого стали междисциплинарное рассмотрение взаимодействия цифровых и пандемических тенденций в современной общественной организации, обсуждение последних в качестве «равнозначимых» и взаимовлияющих тенденций, меняющих социально-экономическую и политико-правовую реальность.

Это не абстракция, порожденная «пандемическим мышлением», а реальные практики современной действительности. В этом плане еще раз обратимся к Юджину Такеру, который приводит пример новых констелляций цифрового, биологического, физического и политического в период эпидемии. Так, «ВОЗ использовала информационные сети против эпидемической сети, а передачу информации – против биологической и транспортной передачи инфекции» [7, с. 15]. Ю. Такер показывает, насколько переплетаются и определяются каждый из этих элементов, а их особая «сцепка» формирует траекторию будущего развития. Происходит корректировка политических стратегий, изменяются текущие публично-властные отношения, переструктурируется пространство (например, транспортные ограничения, закрытие, локализация, локдауны и проч.). Изменяются векторы разработки, приложения и внедрения сквозных цифровых технологий, меняются практики публичного и частного взаимодействия (социально-медицинская дистанция, формы индивидуальной и коллективной самоизоляции).

Таким образом, усилия докладчиков, модераторов секционных заседаний и круглых столов были направлены на разработку исследовательских стратегий, коллективное обсуждение адекватного исследовательского словаря, позволяющего концептуализировать и описать взаимодействие и взаимовлияние актуальных процессов, разворачивающихся в современной действительности (цифровизация, пандемия, социокультурные и экологические тренды, качественные изменения в политических и правовых отношениях, духовные и этические стандарты роботизации и др.).

В теоретико-практическом плане данное обсуждение привело к формулированию прогностических моделей и сценариев совместного развития политической, экономической, правовой и других общественных систем. Последнее отражено в авторских научных статьях, опубликованных в журнале «Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса», а также в сборнике докладов по результатам работы II Дальневосточного международного форума «Роботы заявляют о своих правах: парадигмальные социально-экономические и политико-правовые изменения в век цифровизации и долговременных вирусных эпидемий».

Форум прошел в тон уходящему году, в дистанционном формате. Пленарное и секционные заседания, все площадки и мастер-классы работали в виртуальном режиме. С одной стороны, это позволило подключить разные научно-исследовательские центры, лаборатории, научные школы, а также ученых, исследователей, экспертов и аналитиков из разных городов и стран; с другой – сохранить данное научное Событие не только в памяти и заметках, которые мы активно делали в ходе дискуссий и обсуждений, но и в видеоформате.

Тем не менее, цифровой мир, предоставив эффективное и функциональное пространство, лишил реального взаимодействия «глаза в глаза». Нельзя сказать, что отсутствовала материальность события, это неверное понимание «цифрового-события-форума». В цифровом формате проведения материальности было достаточно: это и оптоволокно, и модемы, и смартфоны, и ноутбуки, и стационарные компьютерные станции, и серверы, на которых размещены цифровые платформы, обеспечивающие дистанционный формат дискуссии, и здания, в которых самоизолировались участники форума, и т.п. Но отсутствовало то, что дает движение, активность и целевую ориентацию развития всех технологических инноваций. Как бы ни была грандиозна и виртуальна новая цифровая реальность общества, она все так же опирается в материальные субстраты, социальные и духовные основания...

1. Жижек С. Событие. Философское путешествие по концепту. – Москва: РИПОЛ классик, 2018.
2. Беннетт Дж. Пульсирующая материя: Политическая экология вещей. – Пермь: Гиле Пресс, 2018. – 202 с.
3. Мортон Т. Гиперобъекты: философия и экология после конца мира. – Пермь: Гиле Пресс, 2019. – 284 с.
4. Бруно Л. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – Москва: Высшая школа экономики, 2014. – 384 с.
5. Бруно Л. Политики природы. Как привить наукам демократию. – Москва: Ад Маргинем, 2018. – 336 с.
6. Деланда М. Новая философия общества: теория ассамбляжей и социальная сложность. – Пермь: Гиле Пресс, 2012. – 170 с.
7. Такер Ю. Три текста о заражении. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 132 с.
8. Брокман Дж. Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте. – Москва: Альпина-Нон-фикшн, 2017. – 552 с. – Текст: электронный // Электронная библиотека «Литмир»: [сайт]. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=592732&r=1> (дата обращения: 10.11.2020).
9. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 347 с.
10. Гринфилд А. Радикальные технологии: устройство повседневной жизни. – Москва: Дело, 2018. – 424 с.
11. Каку М. Будущее разума. – 4-е изд. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2018. – 646 с.
12. Рассел С. Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект. – Москва: Альпина Диджитал, 2019. – 450 с.
13. Цифровая повестка и инициативы в области цифровых технологий в условиях COVID-19 (обзор практик Европейского союза, Организации экономического сотрудничества и развития, а также других стран). – Москва: НИУ ВШЭ, 2020. – 19 с.
14. Прощай, Covid / под ред. К. Гаазе, В. Данилова. И. Дуденковой [и др.]. – Москва: Издательство Института Гайдара, 2020. – 432 с.
15. Конец привычного мира: путеводитель журнала «Нож» по новой этике, новым отношениям и новой справедливости. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2021. – 380 с.
16. Роботы заявляют о своих правах: доктринально-правовые основы и нравственно-этические стандарты применения автономных роботизированных технологий и аппаратов / под ред. А.Ю. Мамычева, А.Ю. Мордовцева, Г.В. Петрук. – Москва: РИОР, 2020. – 349 с.